

**H. Snellman. Khants' Time. Helsinki, 2001. 168 p.\***

Автор книги «Хантыйское время» Ханна Снеллман – преподаватель кафедры этнологии университета Хельсинки – специалист-северовед, занимающийся также методологией науки. Ее исследования сфокусированы на изучении средств пропитания населения лесов и побережий больших рек. Данная ее книга – вторая после диссертации (1996) большая авторская работа.

Монография целиком и полностью базируется на дневниках выдающегося финского (в свое время – подданного Российской империи) этнографа конца XIX – начала XX в. У.Т. Сирелиуса<sup>1</sup>. В предисловии к книге автор указывает, что начала свое знакомство с архивным наследием ученого, будучи уверенной в том, что выбранная ею тема – «ханты и лес» – единственно возможная, если базироваться только на этом источнике. Но постепенно, с погружением в материал, все отчетливее стала вырисовываться иная тема – тема времени. Несмотря на то, что Сирелиус специально не исследовал представления хантов о времени, его полевые дневниковые записи оказались полны данных, которые могли бы помочь в рассмотрении именно этой темы. Так произошла смена исследовательского интереса – от лесной жизни хантов к их традиционному календарю и народной истории.

Работа состоит из четырех частей: введения, двух основных глав – «Method Of Recording Time» и «Folk History» и заключения. Следует особо отметить включение в текст большого числа прекрасно отреставрированных черно-белых фотографий (всего их 44), сделанных самим У.Т. Сирелиусом. Извлеченные из национального собрания древностей Финляндии (The National Board of Antiquities), эти иллюстрации существенно украсили книгу и в некоторой степени способствовали оживлению излагаемого материала. Жаль только, что не везде указано место, где сделан тот или иной снимок: ханты различных групп отличаются друг от друга, например, по одежде. С указанием же места происхождения изображения фотографии стали бы хорошим источником для исследований.

Использованная Х. Снеллман источниковая база оказалась довольно объемной. Ею были проанализированы все дневники Сирелиуса из национального собрания древностей Финляндии, составляющие 966 машинописных страниц текста (работа по перепечатке рукописных записей из 34 дневников Сирелиуса была выполнена в Финляндии в 1949–1952 гг.) (р. 19).

При анализе категории времени автор отталкивалась от основных теоретических положений (см. раздел введения «Investigating Time», р. 34–35), изложенных в известных работах, прежде всего Дж. Уитроу «Время в истории» (1988), Р. Вендорфа «Время и культура. История временного сознания в Европе» (1980), Й. Фабиана «Время и другие. Как антропология делает свой объект» (1983), А. Гелла «Антропология времени. Культурные конструкции временных карт и образов» (1992) и ряда других. Не упомянут во введении, но, как видно из текста и прилагаемой к книге библиографии, чрезвычайно важен для автора сборник статей «Fieldnotes. The Makings of Anthropology», вышедший под редакцией Роджера Санйека в 1990 г. В книге есть ссылки на 9 статей из этого сборника, тогда как всего в библиографии содержится немногим более 90 позиций, из которых 11 связаны с именем Сирелиуса, а часть наименований – лишь указания на пересказание той или иной известной книги (например, работа Уитроу встречается в списке четырежды!).

Основной объем книги составляет первая глава «Метод фиксации времени» («Method Of Recording Time», р. 39–132). Весь материал сгруппирован в три раздела: «Народный календарь» (р. 39–94), «Христианский календарь» (р. 95–103) и «Комбинирование народного и христианского календаря» (р. 104–121).

Раздел «Народный календарь» содержит шесть подразделов: «Физические явления» (Physical Circumstances, р. 39–56), «Смена сезонов» (Changing Seasons, р. 56–68), «Поведение животных» (Animal Behavior, р. 68–72), «Годовой хозяйственный цикл» (Annual Working Cycle, р. 72–77), «Лунный и солнечный цикл» (The Lunar and Solar Cycle, р. 78–82), «Эмпирический опыт [познания] природы» (Empirical Experiences of Nature, р. 82–94).

Помимо методов фиксации времени во всех подразделах данного раздела гл. 1 использованы дневниковые записи У.Т. Сирелиуса, касающиеся хозяйственных занятий хантов, а также их культуры и быта, в широком смысле охватывающие тему «ханты и лес», где акцентируется то, что ханты – жители тайги, с которой связана вся их жизнь.

В подразделе «Физические явления» говорится о значении снега для охоты и рыболовства, о ледоставе, ледоходе, заморе на реке, ветре, «комарином времени», времени поспевания ягод, опадания листвы и т.п., о том, как и на кого охотятся, как и какую рыбу ловят. В подразделе «Смена сезонов» речь идет о

\* Рецензия подготовлена в ходе выполнения работ по проектам: «Постсоветские политические и социально-экономические трансформации у коренных народов Севера РФ» (Юбилейный фонд Банка Швеции) и «Культура оленеводов Севера и Сибири в начале XXI в.: трансформационные процессы и адаптационные возможности» (РГНФ, проект № 02-01-00418а).

длительной зиме, коротких весне, лете и осени в Сибири, о годовом хозяйственном календаре (когда и как охотятся и рыбачат – круглый год, только зимой, осенью, летом и зимой и т.п.). Здесь много материалов, освещающих различные аспекты домашней (жилища, одежда, пища) и сакральной (жертвоприношения) жизни хантов. Тут же рассмотрены запреты (скорее правила), связанные с охотой и рыболовством (охота с самострелами, ловля рыбы сетями и др.). Говорится и о подвижном образе жизни хантов – переселениях из зимних юрт и обратно (почему-то слово «юрты» по-английски везде в работе дано как *jartas*).

В подразделе «Поведение животных» концепция времени рассмотрена в связи с поведением животных, птиц и рыб (миграции, линька, гнездование, метание икры, ход рыбы в зависимости от высоты воды вниз или вверх по реке). В подразделе «Годовой хозяйственный цикл» демонстрируются различия в хозяйственных занятиях хантов и манси различных групп (реки Васюган, Вах, нижняя и средняя Обь, Казым, а также Северная Сосьва, где живут манси) в зависимости от сезона. Х. Снеллман останавливается на специфике образа жизни таежных групп хантов («концепция урмана») – их осенних переселениях с берегов рек в тайгу для охоты на белку, затем в середине зимы – обратно к рекам, в феврале – опять в тайгу.

Здесь также много примеров, в том числе из области материальной культуры и быта. Имеется и указание на то, что в годовой цикл были включены и религиозные церемонии (р. 75). Но, очевидно, в процессе верстки данное указание оказалось отделено от четырех иллюстрирующих его примеров («В Ломбовоже? – З.С., Д.Ф.») Сирелиус записал, что "когда начиналась рыбалка и охота, богам рыбы и леса жертвовался алкоголь". В Покоре в жертву приносились ягненок и алкоголь "до начала рыбалки весной во время заготовки дров" и др.; р. 77) целой страницей выписок из дневников Сирелиуса, характеризующих способы определения времени в связи с хозяйственными занятиями хантов.

В подразделе «Лунный и солнечный циклы» рассмотрены собственно календари хантов, названия месяцев, начало года (весной или осенью), его структура (12 или 13 месяцев), названия месяцев – фенологического характера, либо связанные с хозяйственными занятиями.

Со ссылкой на Кастрена и Бергстади (фактически ссылка вторична, так как Снеллман пользовалась работой Арви Корхонена 1915 г.) автор сообщает о значительном своеобразии в наименованиях и порядке перечисления 13-ти месяцев народного календаря «у хантов, живущих на реке Енисей» (р. 81). Следует признать, что в этом календаре, действительно, имелись хотя и не принципиальные, но все же значительные отличия от календаря хантов и манси, поскольку это был календарь ... кетов.

Автором неверно поняты и данные М.А. Кастрена о зимнем времени: у хантов год делился на две части – зимнюю и теплую. Деление года на две половины отмечено и в архаическом сакральном счете времени<sup>2</sup>. Здесь мы впервые встречаем отсылки автора к работам других исследователей – В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной, М.А. Кастрена, А. Альквиста, Страленберга, Вологодского (правда, без указания их работ), изучавших календари у хантов и манси. К сожалению, автор, видимо, не знает других работ, в том числе советских и российских авторов, писавших и о годовом хозяйственном цикле, и о календарях хантов и манси (В.И. Васильев, А.В. Головинев, З.П. Соколова)<sup>3</sup>.

Последний подраздел «Эмпирический опыт [познания] природы» почти полностью повторяет первый: опять речь идет об описании роли снега, морозов, температуры воздуха и земли в хозяйственных занятиях хантов и, через аппеляцию к ним, о фиксации времени.

В разделе «Христианский календарь» гл. 1 говорится о влиянии Юлианского и церковного (православного) календарей на хантыйский, приведен перечень христианских праздников, с которыми связан календарь хантов, их хозяйственные занятия и в целом жизнь. Наконец, в третьем разделе первой главы снова в виде примеров повторяются материалы, аналогичные помещенным в первом и шестом подразделах первого раздела («Народный календарь») первой главы – об охоте по насту, начале года с Покрова, а также приведены данные об исчислении более коротких промежутков времени – часов («когда закипел котел», «замерзшая рыба закипает», «день ходьбы»), суток или дней («неделя ходьбы» и др.), о времени общих сборов для уплаты налогов, собраний, выборов старшин и др.

В целом можно отметить, что подавляющая часть материалов российскому читателю известна из работ отечественных этнографов. Ценность данной работы – в наглядности и живости примеров очевидца (У.Т. Сирелиуса), наблюдавшего жизнь хантов в конце XIX в. и описавшего хозяйственный цикл и календарь хантов, жителей тайги. В качестве нового материала, пожалуй, можно отметить сведения о значении снега в фиксации времени охоты и рыболовства, о некоторых правилах ведения охоты и рыболовства, значении высоты воды для рыболовства, ритуальной трапезе после ловли осетра (р. Обь), о конкретных названиях месяцев в календарях хантов (к сожалению, они приведены не по-хантыйски, а по-английски), а также названиях всех церковных праздников, с которыми была связана жизнь хантов.

Незнание российской литературы по данному вопросу<sup>4</sup> ограничило возможность автора анализировать материал и не позволило перейти от описания к некоторым выводам, касающимся закономерностей формирования и развития календаря как обских угров, так и ряда других таежных народов Сибири (самодейских, тунгусских и др.).

В отечественной литературе, например, был предпринят анализ массового материала по календарям обских угров (22 календаря) и в целом народов Сибири (24 календаря), позволивший сделать ряд важных

выводов<sup>5</sup>. Во-первых, это однотипность календаря народов Сибири, особенно угорских, самодийских, кетского, тунгусских и тюркских – в их основе лежат климатические, погодные, фенологические, природные явления в целом, хозяйственные занятия, представления о сезонах года и длительности дня<sup>6</sup>. Отдельные названия месяцев (*орлиный, вороний*) встречаются на огромной территории от Кольского п-ова (саамы) до Приамурья (нанайцы). Некоторые изменения в календаре наблюдаются к югу от основной территории расселения сибирских народов, у тюркских народов и бурят: здесь появляются новые названия месяцев, в том числе и связанные с сельским хозяйством. Тем не менее и у земледельцев, и у скотоводов основа календарных названий месяцев – тасжная, связанная с охотой, рыболовством, собирательством.

Во-вторых, материалы по обско-угорским календарям позволяют сделать вывод о том, что первоначально год делился на две половины, затем – на четыре сезона. Начало года у хантов и манси было приурочено к разным срокам сезонов весны и осени (от марта до апреля и с августа до октября). Это можно объяснить широким расселением групп обских угров и различиями в природных условиях. Первоначально год начинался, вероятно, весной. Под влиянием христианского календаря начало года было перенесено (возможно, уже в XIX в.) на осень («с Покрова»). В конце XIX – начале XX в. был осуществлен переход на начало года с 1 января.

В-третьих, по названиям месяцев различаются календари северных хантов и манси, с одной стороны, и восточных хантов, с другой. Это означает, что, будучи в основе однотипными («тасжными»), с течением времени календари развивались в рамках этнографических групп обских угров и их контактов (календари восточных хантов более близки к южноселькупскому и ненецкому). Наконец, есть следы сходства календарей обских угров и с календарями волжских и пермских финно-угров (коми, удмурты) и тюрков Поволжья (чуваши)<sup>7</sup>.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что автору книги в целом удалось показать перспективность изучения темы времени на материалах более широких, чем привычные календари, сезоны года и некоторые иные отрезки времени (точнее, термины, в которых описывается/фиксируется время, необходимое для приготовления/изготовления чего-либо, на преодоление какого-либо расстояния и т.п.). Время в народной культуре связано со всей системой жизнеобеспечения, с культурой в целом и потому ключевой в данном случае вопрос «когда?» оказывается так или иначе приложимым абсолютно ко всем событиям в жизни человека.

Следующая глава – «Народная история» (Folk History, p. 133–148) – в сравнении с предыдущей оказалась чрезвычайно бедной по объему представленного в ней материала. Х. Снеллман начинает с вдумных размышлений о смене научной парадигмы в последние десятилетия, когда вместо «бесписьменных народов», не способных мыслить исторически» в этнологических работах появляются наконец мысли об обществах просто с иным, кардинально отличным от нашего, ощущением времени. Затем автор останавливается на различных трактовках понятий «этноистория», «историческая этнография» и «народная история». Последняя, в представлении автора, «стремится к выражению/отображению исторической картины и исторических знаний аборигенных народов, рассматриваемых с их точки зрения» (p. 135). Далее формулируется основной вопрос данного раздела: «Как ханты переживают свою собственную историю?» (p. 136). Ответ, к сожалению, оказался представленным в виде весьма немногочисленных выписок из дневников Сирелиуса, уместившихся на четырех страницах текста.

Рассказывая Сирелиусу о событиях минувших дней, ханты оперировали такими фразами, как «в старинные времена» (in the old days), «во времена стариков» (in the times of the elderly), «во времена предков» (in the times of the ancestors), «во времена прежних поколений» (in the times of earlier generations). Особый вариант представляли фразы, в которых указывалось на что-то, произошедшее или имевшее место «до русских» или «после их прихода». И, наконец, в записях Сирелиуса удалось выявить общий для многих бесписьменных народов Земли способ определения времени через апелляцию к каким-либо грандиозным естественным природным событиям, в частности, к лесным пожарам.

В связи со скудостью данных, которые можно извлечь по данной проблеме из дневников Сирелиуса, этот раздел книги, очевидно, следовало писать на более широком круге источников, если, конечно же, ставить не задачу анализа дневников, а задачу исследования хантыйской культуры.

Заключительный раздел с лирическим названием «Когда опадает листва» (When The Leaves Are Falling, p. 149–162) подводит основные итоги работы. Для убедительности своих выводов отсылая читателей к близким алжирским и перуанским материалам, автор констатирует, что традиционный способ измерения времени у хантов не является чем-то исключительным. Как и у всех народов Земли, в его основе лежали природные феномены двух типов: «небесные» феномены (солнце, луна и звезды) и природные фазы (изменения в климате, растительном и животном мире) (p. 52, со ссылкой на П. Нильсона). Х. Снеллман считает, что «если климат, растительный и животный мир представляют древнейший страт в измерении времени для хантов, то православный церковный год – средний и Юлианский календарь – новейший. Это также и способ, которым ханты описывают собственную историю. Сначала были "действительно остьские времена", затем ханты были обращены в христианскую веру, и мало-помалу русское влияние возросло» (p. 157).

Рецензируемая работа, на наш взгляд, представляет большой интерес с позиций анализа не только возможных подходов к письменным этнографическим источникам XIX в. с точки зрения современных исследователей, но и анализа такой темы, как открытость/изолированность современных национальных научных школ в сибиреведении.

Что касается первого, то, честно говоря, для внимательного читателя остается загадкой, почему же книга называется «Хантыйское время» и почему основной материал в ней подается как «хантыйский». Нелзя при этом сказать, что автор совсем не отдаст себе отчет в сложности материала, с которым ей приходится работать. Достаточно регулярные оговорки («Сирелиус – это фильтр, через который рассматривается материал», р. 13) и даже методические пассажи о невозможности подходить с сегодняшними мерками к анализу материалов прошлого столетия вообще и Сирелиуса в частности (см., например, весь раздел «Методология полевой работы» во введении, р. 20–33) проблемы не снимают. Автор признается, что ей так и не удалось найти ответ на вопрос о том, являются ли дневниковые записи Сирелиуса о времени его личным осмыслением сказанного ему хантами или их собственными словами, в которых реально присутствуют указания на «время» (год, месяц, неделя, день и т.д.): «...невозможно узнать, насколько интервьюируемые понимали сезоны года таким же образом, как и Сирелиус...» (р. 56), «Остается, однако, под вопросом, использовались ли месяцы и даты [самими] хантами или же Сирелиусом, продуктом западной цивилизации» (р. 117). Но если это действительно так, то работу, вероятно, следовало бы писать не о «хантыйском времени», а о «хантыйских представлениях о времени в конце XIX в. в восприятии Сирелиуса, нашедшем отражение в его полевых записях». Однако в этом случае подход к анализу материалов Сирелиуса должен был бы быть принципиально иным, да и сама книга была бы посвящена не хантам, а Сирелиусу.

Что же касается открытости/изолированности современных национальных научных школ, то здесь размышлений и пожеланий гораздо больше. Хотя, в принципе, часть из них так или иначе связана с обозначенной выше проблемой восприятия источников. Если бы в книге основное внимание было уделено именно Сирелиусу (его восприятию хантыйской культуры), то этот абзац можно было бы и снять. Однако книга писалась о хантах. В связи с этим вызывает недоумение скудость очерка изучения хантов (р. 7–13). Начинается все с М.А. Кастрена, затем упоминаются такие выдающиеся исследователи, как финны К.Ф. Карьялайнен и Х. Паасонен, венгры Й. Папай и Й. Янко. Далее в связи с интересом финнов к Западной Сибири обнаруживаются ссылки на работы еще нескольких финских исследователей (в частности, Т. Туиску, вообще-то являющийся специалистом по культуре ненцев). И, наконец, очевидно в связи с «перестройкой» в СССР (у автора буквально – с «1990-х годов»), наступает перелом, когда – констатирует Х. Снеллман – после 70-летнего перерыва западные исследователи вновь получают возможность вести полевые исследования у хантов. На этом обзор заканчивается.

Невольно складывается впечатление, что научное исследование хантыйской культуры связано исключительно с такими западными научными школами, как финская и венгерская и что изучение хантов велось где-то до 1917 г. и продолжилось лишь с начала 1990-х годов. Такой взгляд на историографию настолько неверен и бесперспективен, что его особо и комментировать – нет смысла. Не будем указывать здесь сотни этнографических работ, написанных о хантах в СССР<sup>8</sup>, США и в некоторых европейских странах на русском, английском, немецком и других языках в период с 1917 по 1990-е годы. Это уже сделано в специальных библиографиях и историографических обзорах и не входит в задачи рецензии<sup>9</sup>.

Важнее отметить, что недоучет имеющейся литературы не только не позволяет во всей полноте и адекватно представить и проанализировать «время» в хантыйской культуре, но ведет и к «открытиям» давно известного, того, о чем было написано в книгах, изданных «до 1990-х годов» и не в Финляндии. В книге есть одна, но очень яркая иллюстрация этого. В предпоследнем абзаце заключительной главы автор признается, что в этом исследовании она «ныталась следовать принципу честности/объективности, который изложил Йорма Калела. Историку следует быть одинаково объективным (*fair*) как по отношению к народу, который исследуется, так и к ученому, который проводит исследование. Труд историка, и это вполне приложимо к этнологу, напоминает работу в суде за тем лишь исключением, что тот, кто проводит свое исследование, действует параллельно как истец, адвокат и судья» (р. 158). Здесь следует ссылка на монографию Й. Калелы «*Historiantutkimus ja historia*» (Helsinki, 2000). Все бы ничего, если бы основные принципы мыслительной работы исследователя-этнолога (во время работы в поле и при написании этнографического текста) не были сформулированы за несколько десятилетий до этого, в классическом этнологическом труде XX столетия «*Psychomental Complex of the Tungus*» С.М. Широкогорова, изданном в Лондоне в 1935 г.

Некоторые критические соображения по поводу прочитанного все же не снижают общего положительного впечатления от работы, выполненной Х. Снеллман. Важно отметить, что книга вполне может быть отнесена к разряду хотя и вторичных, но все же важных этнографических источников, поскольку в ней впервые на доступном для чтения европейском языке был массово введен в оборот материал по хантыйской культуре из всех дневниковых записей прекрасного финского этнографа У.Т. Сирелиуса.

<sup>1</sup> Дневники Сирелиуса лишь относительно недавно были частично (записи из его первой экспедиции) опубликованы в Финляндии в переводе на немецкий язык. См.: *Sirelius U.T. Reise zu den Ostjaken. Übersetzt und herausgegeben von Ingrid Schellbach.* Helsinki, 1983 (Soumalais-ugrilaisen Seuran kansatieteellisiä julkaisuja. T. XI.). На рус. яз. см.: *Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной.* Томск, 2001. 334 с.

<sup>2</sup> *Соколова З.П. Вре́мьясчисле́ние у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера.* М., 1990. С. 77.

<sup>3</sup> *Васильев В.И., Головнев А.В. Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири // Духовная культура народов Сибири.* Томск, 1980; *Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири.* Новосибирск, 1993; *Он же. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров.* Екатеринбург, 1995; *Соколова З.П. Вре́мьясчисле́ние...*

О календаре обских угров см. также: *Vertes E. Die Namen der Monate bei den Surgut-Ostjaken // Finno-Ugrische Forschungen.* Bd. 34. 1962. S.144–147; *Erdödi J. Zur Frage der Zeitrechnung bei den uralischen Völkern. Die Monatsnamen // Acta Ethnographica.* 1974. Bd. 24. Список работ, в том числе и монографий, оставленных Х. Снеллман без внимания при написании своей монографии, можно продолжить.

<sup>4</sup> *Кузнецова А.И. Календарные названия в самодийских языках // Языки и топонимия.* Томск, 1976; *Даничева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят.* Москва; Улан-Удэ, 2001.

<sup>5</sup> *Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П. Календари народов Сибири // Календари в культуре народов мира.* М., 1993.

<sup>6</sup> Там же. С. 234–237.

<sup>7</sup> *Соколова З.П. Вре́мьясчисле́ние ...* С. 78–83.

<sup>8</sup> Автор использовала только одну работу на рус. яз. – В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной «Васюганско-ваховские ханты в коме ...» (так у Х. Снеллман!), опубликованную в Томске в 1977 г.

<sup>9</sup> Из последних библиографических изданий см., например, изданную также в Финляндии книгу-справочник: *The Small Indigenous Nations of Northern Russia: A Guide for Researches / Ed. by D. Funk and L. Sillanpää.* Åbo Akademi University: Social Science Research Unit. Publication. № 29. 1999. P. 22–29.

*З.П. Соколова, Д.А. Функ*

© 2002 г., ЭО, № 5

**Г.Я. Мовчан. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба.** М., 2001. 525 с., ил.

Вышла в свет капитальная монография выдающегося архитектора, одного из наиболее уважаемых и любимых профессоров Московского Архитектурного института (МАРХИ) и видного ученого, почетного члена Российской Академии архитектуры и строительных наук и Московского отделения Международной Академии архитектуры, доктора архитектуры, профессора Геннадия Яковлевича Мовчана о традиционном аварском зодчестве, основанная на материалах обследований 1945–1964 гг.

В том 528 страниц крупного формата, он богато иллюстрирован, причем большая часть из 785 иллюстраций – авторские фотографии, чертежи и рисунки. По словам автора, интерес к региону, где почти полвека плла «Кавказская война горстки горцев против могущественного соседа», стремление увидеть, «что могло сохраниться там от среды, воспитавшей ее героев», побудили его «принять участие в экспедиции, направлявшейся именно в горы северного Дагестана... Первые же поездки дали настолько ошеломляющий результат, что... я не мог остановить начатого и продолжал изыскания по собственной уже инициативе». А потом были десятилетия «работы за чертежной доской и рабочим столом» (с. 12–13), ставшей поистине делом жизни Мастера.

После поездки в горы уже в начале 1960-х годов к интересу историка добавилась боль гражданина и деятеля культуры, который стал свидетелем не просто утраты, но подчас варварского уничтожения бесценного культурного наследия – вызывавших его восхищение и изучавшихся им жилых домов и поселений. «Из сознания населения было выбито почитание жилища предков и замесено стыдом за него» (с. 510). Возможно, именно после этого в заглавии книги появилось добавление «... и его судьба». Г.Я. Мовчан стал относиться к своей работе с еще большей ответственностью и требовательностью, увидев в ней фиксацию и память о подвехах народного зодчества небольшого самобытного народа. Он не раз забирая рукопись из издательства, пополняя и совершенствуя ее, о чем свидетельствуют хотя бы даты итогового предисловия – 1980, послесловия – 1981, резюме – 1993 и включенной издателями в книгу в